«СЛУЖИ ОТЕЧЕСТВУ НЕ РАДИ НАГРАД, А РАДИ ЧЕСТИ СВОЕЙ И БЛАГОРОДСТВА ТВОИХ ПРЕДКОВ...»

ИСПОКОН веков на Руси понятия чести и достоинства человека сопрягались с офицерским сословием. Честь офицера носила сословно-дворянский характер и поддерживалась всей системой воспитания офицерского корпуса. «Честь имею!» — этими словами венчалось обращение офицера к любому должностному лицу и в армии, и в обществе. И воспринимались они, эти два слова, как символ надежности, залог верности высокому воинскому долгу защитника Отечества. Само дело, к которому офицер был «приставлен» по собственному ли призванию или по велению долга, исполнено высочайшего смысла: служить Отечеству верой и правдой. Служение глубинным интересам Отечества, готовность самоотверженно защищать его в бою, право повелевать подчиненными по службе, вести их за собой в огонь и в воду просто немыслимы без глубокой нравственной основы. Исключительно на чести и достоинстве креп авторитет офицера в глазах подчиненных, которые могли простить своему командиру многое, только не бесчестье. Так, в 1905 году генерал-лейтенант А.М. Стессель сдал японцам Порт-Артур, стойко оборонявшийся почти целый год. Генерал проделал это самолично, презрев возражения своих боевых соратников. Как нарушитель устава и традиций русской армии Стессель был приговорен к смертной казни, и хотя Николай II простил его, однако скончался он в полном бесчестии, презираемый всеми. Так что же такое воинская честь, что понималось под этим в русской армии?

СОЗДАВАЯ армию нового типа, Петр I немало внимания уделял и проблеме воспитания личного состава, в том числе на основе воинских традиций. В воинском уставе Петра I на этот счет имеется определение, не потерявшее своего значения и сегодня: «Солдата не следует бить, солдатом не может быть вор, безнравственный человек не может быть начальником, в солдате следует развивать чувство воинской чести»[1]. Воинские артикулы предусматривали наказание, связанное с нарушением чести. В тяжелой форме — выставление имени наказываемого на виселице, преломление шпаги рукой палача и объявление его «вором»; в легкой — лишение чина и увольнение со службы без пенсии. А.В. Суворов предписывал офицеру помнить, что «добросовестно исполняя свои обязанности, он честь и славу особливо себе и вообще полку заслуживает»[2].

Отечественная война 1812 года наиболее ярко продемонстрировала значимость военной чести и патриотизма для защиты Отечества. Характеризуя качества офицера того времени, Н.А. Морозов, популярный до революции военный публицист, писал: «Духом собственного достоинства, благородной гордости, отсутствием страха наказания и был велик тогдашний офицер, сим он так выгодно и резко отличался от последующего поколения»[3].

После военных реформ 60—70-х годов XIX века офицерский корпус становится все более разночинным, в его среду начинают проникать элементы мелкобуржуазной морали, высоко ставящей власть денег. Недаром «Военный сборник» писал по этому поводу: «Всякий, кто покинет эту службу исключительно с целью обогащения на других поприщах, принесет армии не ущерб, а пользу»[4]. Серьезными испытаниями для офицерского корпуса стали военные поражения в ходе Крымской, затем Русско-японской войн. Особенно драматическая ситуация сложилась в вооруженных силах империи в период первой русской революции, Февральской и Октябрьской революций 1917 года, при этом последняя привела к братоубийственной Гражданской войне. Однако даже в этих чрезвычайных обстоятельствах слово «честь» оставалось для большинства офицеров по обе стороны баррикад внутренним стержнем поведения.

Во все исторические периоды под воинской честью подразумевалась не только так называемая честь мундира, но прежде всего — верность воинскому долгу, мужество и героизм на поле брани, строгое соблюдение норм поведения в обществе, уважительное отношение к окружающим. Что же касается чести мундира, то это понятие имело когда-то только прямой смысл, так как подавляющее большинство полков получали свои наименования, знамя, форму одежды, знаки отличия и музыкальный марш, своих святых, писаную историю, а наиболее старые полки обзавелись и своими музеями. Таким образом, честь мундира для носивших его была не пустым звуком: именно с мундиром, со всем внешним видом солдат и офицеров полка связывалось представление о его боевой славе и будущих победах. Честь мундира прямо соотносилась с честью на поле брани. В Уставе внутренней службы (1910 г.) отмечалось, что каждый воинский чин должен быть всегда по форме и прилично одет, иметь воинский вид и строго соблюдать правила чинопочитания и воинской вежливости, помня, что по тому, как он будет вести себя, будут судить не только о нем, но и о той части, мундир которой он носит.

Дисциплинированность без подобострастия, спокойная отвага, находчивость и храбрость, жизнерадостность, некоторая лихость натуры, идеальная честность и прямодушие, снисходительно-настойчивое без придирчивости отношение к подчиненным, истинно товарищеский дух — вот чего требовала военная среда от офицера.

Основным институтом регулирования жизни военнослужащих было офицерское собрание, которое не только содействовало разумному проведению свободного времени, но и формировало корпоративный дух, который считался одной из основ нравственного здоровья офицерского корпуса. «Взаимное дружество между товарищами порождает привязанность воинов к полку, к роду войска… Это чувство, основанное на уважении каждого ко всем, заставляет требовать, чтобы все разделяли наше мнение… оно служит залогом успеха и чести… оно сильнее всех постановлений»[5].

Другим институтом поддержания чести был так называемый суд общества офицеров, введенный в 1863 году. Решения он мог приять следующие: оправдание, внушение, удаление из полка, примирение или поединок (для разрешения конфликтов между офицерами). В 1912 году приказом по военному ведомству № 81 введено наименование «Суд чести». Статья 130 Дисциплинарного устава гласила: «Суды чести учреждаются для охранения достоинства воинской службы и поддержания доблести офицерского звания. На них возлагается: а) рассмотрение поступков, несовместимых с понятиями о воинской чести, служебном достоинстве, нравственности и благородстве и б) разбор ссор, случающихся в офицерской среде». Предание суду чести предполагалось, в частности, за такие проступки, как кулачная расправа, составление клеветнических писем, анонимок, допущение подарков женой офицера жене командира, отказ от уплаты долга[6].

Воспитание офицера в понятиях воинской чести начиналось еще с кадетского корпуса и военного училища. Так, в феврале 1901 года был издан особый приказ главного начальника военно-учебных заведений о воспитании у кадет чувства собственного достоинства, который заключал в себе следующие знаменательные строки: «Поддерживая все свои требования с принципиальною строгостью и устраивая над вновь поступающими самый бдительный надзор, закрытое заведение обязано по мере нравственного роста своих воспитанников постепенно поднимать в них сознание их человеческого достоинства и бережно устранять все то, что может унизить или оскорбить это достоинство. Только при этом условии воспитанники старших классов могут стать тем, чем они должны быть, — цветом и гордостью своих заведений, друзьями своих воспитателей и разумными направителями общественного мнения всей массы воспитанников в добрую сторону»[7]. В училищах существовал так называемый совет посредников для разбирательства проступков, «несовместимых с правилами чести и нравственности», который избирался из юнкеров и имел право определить возможность дальнейшей учебы провинившегося[8].

Вместе с тем в военных училищах, особенно привилегированных, существовали и негативные проявления в системе взаимоотношений между воспитанниками. Старшие нередко притесняли младших: это называлось «цук» — прообраз современной пресловутой дедовщины. Особенно этим славились Пажеский корпус и Николаевское кавалерийское училище.

ЕСЛИ нравственной основой жизни офицера является честь, совершенно очевидно, что ориентиром в поведении человека становилось не получение материальных благ, а следование определенным этическим принципам поведения, абстрагируясь от их практических результатов лично для себя. Там, где вся деятельность военной корпорации не только в военное, но и в мирное время основана на внутренней спайке, чувстве взаимного доверия и взаимной выручке, не может не образоваться тесная солидарность, товарищеская связь, возможная только при стремлении каждого к общему нравственному идеалу. Заметим, что кодекс внутренней корпоративной чести не был регламентирован. Он вырабатывался как самостоятельно, под влиянием прежних традиций, условий жизни и деятельности, так и прививался искусственно правительством, сознающим, что патриотизм, честь и дисциплина — три кита, на которых держатся вооруженные силы.

Говоря об офицерской чести, нельзя не сказать и о том, что крайней мерой ее защиты являлась дуэль. Разумеется, это был не лучший способ выяснять отношения, однако нельзя не признать, что готовность рисковать жизнью для того, чтобы не быть обесчещенным, требовала немалой храбрости, а также честности, вырабатывала привычку отвечать за свои слова. Дуэль как способ защиты чести носила еще и особую функцию: утверждала некое офицерское равенство, не зависящее от служебной иерархии[9].

На рубеже XX века главным хранителем обычая поединка повсеместно являлась военная среда. Так, в период с 1894 по 1910 годы в русской армии состоялось 322 поединка, из них 256 — по постановлению суда чести[10]. Если суд признавал необходимость дуэли, а противники — оба или один — настаивали на извинении, то затруднений здесь не встречалось: по правилам им предлагалось в течение двух недель после объявления решения или покончить дело поединком, или подать рапорт об увольнении со службы. Если было принято решение на поединок, то суду предписывалось «употребить свое влияние на секундантов в том смысле, чтобы условия дуэли наиболее соответствовали обстоятельствам дела», и затем в полном составе или частично присутствовать на поединке.

Переговоры обо всем этом совершались на особом общем совещании секундантов, старший председательствовал, при этом велся протокол, который подписывался всеми участниками. В обязанности секундантов также входило: пригласить доктора, достать оружие, обдумать и устроить способ передвижения на избранное место. Оружие должно было быть действительно смертоносное и совершенно одинаковое у обоих противников. Из огнестрельного оружия предпочитались гладкоствольные пистолеты, по возможности новые; допускались и револьверы, но заряженные только одним патроном.

Расстояние при огнестрельном оружии характеризует серьезность дуэли. При пистолетах оно составляло 15—25 шагов, при револьверах — до 40 шагов.

Во время поединка секунданты занимали определенные места, иногда с пистолетами (револьверами) в руках, и внимательно следили за происходящим, стараясь предупредить и устранить все, что могло бы нарушить правильность, честность и известную торжественность дуэли. При нарушении правил они обязаны были, даже подвергая риску свою жизнь, прекратить бой.

О нарушении условий тотчас составлялся протокол и, если от этого кто-либо пострадал, возбуждалось дело, при этом также решался вопрос, не нарушил ли офицер истинных представлений о чести. Такой офицер независимо от предания уголовному суду признавался не достойным офицерского коллектива и исключался из его состава.

В заключение хотелось бы привести несколько слов из одной любопытной брошюры — «Путь чести, или Советы молодому офицеру»[11]: «Служи Отечеству не ради наград, а ради чести своей и благородства твоих предков… Истинное мужество может иметь место в человеке токмо при истинном благочестии».

В настоящее время эти советы, верой и правдой служившие многим поколениям российских офицеров, полностью сохранили свою актуальность и получили дальнейшее развитие в пособиях для молодых офицеров современных Вооруженных сил России.

Офицер — это надежда нации, без него нет армии, без армии нет государства, без государства нет свободы граждан, нет достойной жизни, нет будущего ни у живущих, ни у потомков.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по: Военный сборник. 1897. № 1. С. 238.

[2] *Суворов А.В.* Полковое учреждение. М., 1949. С. 104.

[3] *Морозов Н.А.* Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений. СПб., 1910. С. 51.

[4] Цит. по: Воспитательное значение корпуса офицеров // Военный сборник. 1891. № 4. С. 364.

[5] *Блондель А.Д.* Взгляд на обязанности и дух воинского звания. СПб., 1836. С. 61.

[6] Цит. по: *Швейковский П.А.* Суд чести и дуэль в войсках российской армии. СПб., 1912. С. 33.

[7] *Соколов Н.А.* Военно-учебные заведения в царствование императора Николая II. СПб., 1914. Т. X. С. 175.

[8] *Бобровский П.О.* Юнкерские училища. Историческое обозрение их развития и деятельности. СПб., 1872. Т. 1. С. 252.

[9] Рыцарские понятия о чести, а с ними и о дуэли проникли в Россию, прежде всего в военную среду, при Петре I, который, однако, был категорически против подобной практики, требуя сурового наказания для «поединщиков» вплоть до смертной казни через повешение. Впоследствии эти наказания были значительно смягчены. Так, согласно закону «О дуэлях» от 13 мая 1894 года устанавливался особый порядок прохождения дел о дуэлях, в которых один или оба участника принадлежали к офицерскому званию. Дела эти от командира части и от полиции через Прокурорский надзор поступали к военному министру. Последний по своему личному усмотрению или давал делу обычный судебный ход, или, если находил оправдательные с военно-корпоративной точки зрения мотивы, испрашивал у царя соизволения на его прекращение. Но даже при прекращении дела виновники рисковали подвергнуться дисциплинарному взысканию властью военного министра или государя. Кара значительно усугублялась при заведомо неправильных поединках, а при допущении какой-нибудь намеренной гнусности в честном бою виновный мог угодить и на каторжные работы. Как пережиток средневековья, этот закон вызывал противоречивое отношение со стороны общества. Генерал М.И. Драгомиров называл закон абсурдным, хотя считал, что малейшее посягательство на оскорбление действием должно вызвать возмездие оружием (См.: *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетия. 1881—1903. М., 1973. С. 243).

[10] *Виниченко М.Н.* История офицерского корпуса России // Обозреватель. 1999. № 2. С. 54.

[11] Брошюра «Путь чести, или Советы молодому офицеру» отпечатана в типографии Московского университета в 1837 г. карманным форматом. Написана она в форме наставлений, ведущихся от лица умудренных военным и житейским опытом дядюшек. Автор сочинения укрылся за инициалами «А.Ш». Возможно, оно вышло из-под пера адмирала Александра Семеновича Шишкова (1753—1841 гг.), возглавлявшего длительное время Российскую академию наук и слывшего ретроградом. Тем не менее в брошюре содержится немало верных суждений о воинском долге и чести.

Полковник запаса А.А. ВОЛОТОВСКИЙ

● ЗАБЫТОЕ ИМЯ ●

«АРТУРСКИЙ ПОЭТ, САПЕРНЫЙ КАПИТАН ЛИНДЕР...»

О жизни и творчестве В.Ф. Линдера (1861—1904)

ОБОРОНА крепости Порт-Артур с 27 января (9 февраля) по 20 декабря 1904 (2 января 1905), героизм русских солдат и офицеров вызвали большой отклик в среде творческой интеллигенции. Порт-Артурские события нашли отражение в публицистике (очерки с театра военных действий известных журналистов В.И. Немировича–Данченко и Ю. Ельца), художественной литературе (стихотворения Н.Б. Хвостова, В.А. Гиляровского, К.М. Фофанова и других, рассказы Г. Артурова), а также в жанре лубочной литературы (карикатуры, плакаты, брошюры, стихи для народа). Большинство произведений, за редким исключением, имело одну и ту же особенность — ура-патриотический настрой (следствие столичного взгляда на войну в Маньчжурии). Боевые действия на окраине империи не считались опасными, а неожиданные успехи японцев объяснялись их азиатским коварством и временным материально-техническим превосходством, которое обеспечивалось поддержкой Британской империи и Североамериканских Соединенных Штатов. Нередко успехи Японии преуменьшались, в то время как русские победы явно преувеличивались. При этом конкретные факты намеренно искажались. Все это контрастировало с обилием раненых, поступавших с фронта, с постоянным ростом мобилизации и рождало недоверие в обществе. Резко не соответствовали тогда указанной тенденции стихотворения ныне забытого поэта — участника обороны крепости Порт-Артур капитана Квантунской саперной роты В.Ф. Линдера. Его произведения регулярно публиковались в порт-артурской газете «Новый край», ходили в рукописных списках, звучали в офицерских собраниях и на передовых позициях. Долгое время об этом человеке не было известно ничего, кроме фамилии и воинского звания. Двухлетний поиск в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Хабаровска и Владивостока позволил частично восстановить биографию поэта.

ВОЛЬДЕМАР Фридрихович Линдер родился 19 января (1 февраля) 1861 года в семье евангелическо-лютеранского вероисповедания. Воспитывался он в 3-й Санкт-Петербургской военной гимназии, после окончания которой в 1879 году поступил в Николаевское инженерное училище. В 1882 году В.Ф. Линдер был произведен в подпоручики армии с зачислением в 1-й саперный батальон с прикомандированием к лейб-гвардии Егерскому полку. За обучение в училище каждому выпускнику следовало прослужить на действительной службе четыре с половиной года. В 1883 году высочайшим приказом юноша был переведен в лейб-гвардии Егерский полк с переименованием в гвардейского прапорщика, а через год произведен в подпоручики гвардии. В 1886 году Вольдемар Фридрихович получил назначение батальонным адъютантом. Видимо, у поэта было слабое зрение, так как особым приказом начальника 1-й гвардейской пехотной дивизии от 11 июня 1887 года поручику В.Ф. Линдеру было разрешено носить очки в строю. Через три года молодого человека зачислили в запас гвардейской пехоты, затем он вышел в отставку и женился на дочери действительного статского советника Марии Евгеньевне Протасьевой. В этом же году в чине коллежского асессора поэт поступил на службу в Главное управление государственного коннозаводства и был назначен корреспондентом этого управления по Бакинской губернии. Здесь у супругов в 1891 году родился сын Борис. Есть основания предполагать, что в 1895 году М.Е. Линдер скончалась. Поэт вновь поступил на военную службу. Высочайшим приказом от 2 мая 1895 года состоявший в запасе гвардейской пехоты на учете по Киевскому уезду поручик В.Ф. Линдер был вновь определен на службу в 6-й саперный батальон с переименованием в штабс-капитаны[1]. Однако в том же году он опять зачислен в запас[2].

Далее следы В.Ф. Линдера на некоторое время теряются, но в самом начале XX века он оказался на Дальнем Востоке. В 1903 году в одном из октябрьских номеров газеты «Приамурские ведомости», издававшейся в Хабаровске, было опубликовано стихотворение Вольдемара Фридриховича (самое раннее из известных нам), посвященное 15-летию Хабаровского кадетского корпуса, воспитанником которого был его сын Борис[3].

Что же привело В.Ф. Линдера на Дальний Восток? Может быть, присущая ему тяга к путешествиям, благодаря которой он когда-то оказался в Бакинской губернии, тот самый дух «пионеров Дальнего Востока»[4], «рыцарей ордена “не зевай”»[5], что в начале прошлого века увлек на окраину империи многих других? Или все же это был воинский долг, как и в случае с военным инженером М.И. Лилье, будущим артурским товарищем В.Ф. Линдера, с которым они, правда, в разное время, служили в 6-м саперном батальоне и который в 1898 году был «назначен в распоряжение начальника инженеров Приамурского военного округа»?[6] Наиболее вероятно последнее, так как в 1904 году В.Ф. Линдер оказался уже в Порт-Артуре в звании капитана Квантунской саперной роты. Здесь его поэтический талант раскрылся полностью. Офицер активно выступал со своими стихами в газете «Новый край», на офицерских вечерах. Военный публицист Ю. Елец, приглашенный на завтрак офицерами броненосца «Цесаревич» во время своей поездки в Порт-Артур весной 1904 года, вспоминал: «Завтрак прошел весело, и здесь оказался поэт, только не морской, а сухопутный саперный капитан Линдер, написавший несколько стихотворений на злобу дня»[7]. Действительно, многие стихи В.Ф. Линдера посвящены основным вехам порт-артурской эпопеи, тем событиям, которыми жила осажденная крепость. В ночь на 20 апреля (3 мая) 1904 года японцы предприняли очередную, третью по счету и самую дерзкую по храбрости попытку закупорить с помощью брандеров вход во внутренний рейд Порт-Артура, чтобы тем самым окончательно заблокировать русскую эскадру в гавани и обеспечить безопасность высадки своих войск в Бицзыво. В атаке участвовали десять брандеров и пять прикрывавших их миноносцев. Ситуация создалась настолько опасная, что сам наместник императора на Дальнем Востоке Е.И. Алексеев вынужден был принять участие в бою на канонерской лодке «Отважный». К счастью, атаку удалось отбить. Напряженность схватки, обоюдное мужество как русских,

так и японцев произвели огромное впечатление на обороняющихся. Артурский поэт саперный капитан Линдер по этому поводу написал прекрасное как по идее, так и по форме стихотворение[8], которое называлось «Защитникам Порт-Артура». Впервые оно было опубликовано в газете «Новый край» от 27 апреля (10 мая) 1904 года. Вот отрывок из него:

«Теперь, когда судьба сулит борьбу с врагами
За честь родной страны у дальних берегов,
Как ярко в памяти рисуется пред нами
Бой севастопольских прославленных борцов!
Пошли, Господь, нам всем Твое благословенье,
Твой благодатный лик яви нам в час борьбы,
И в грозный сечи час даруй тем всепрощенье,
Кто вознесет к Тебе предсмертные мольбы!
Мы смело в бой пойдем, и миру вновь докажем,
Как силен русский дух под сению знамен, —
Мы победим врага, — не то костьми поляжем,
Как в Севастополе четвертый бастион.
Мы ляжем за царя, за блеск его державы,
Да воссияет вновь наш древний царский щит!
Да возвеличится Руси орел двуглавый
И всюду над врагом победно запарит!
Да будут памятны японцам самомнящим
Артурских грозных стен и молнии, и гром,
Вещавших торжество над «Солнцем Восходящим»
Двуглавого орла с Андреевским крестом[9].

Стихотворение поражает своей строгой торжественностью, религиозным чувством, искренностью, спокойной уверенностью в борьбе за интересы Родины на ее окраинных рубежах. Здесь нет скептицизма, упреков в ненужности войны, которые позже подобно ярлыку будут приклеены к Русско-японской войне либеральной общественностью. Несмотря на обилие выражений «высокого штиля», ни одно из них не кажется фальшивым, искусственным. Дополнительную эпичность стихотворению придает и размер — шестистопный ямб, который в русской поэзии XVIII—XIX вв. использовался в героических поэмах. Это стихотворение можно считать программным не только для творчества В.Ф. Линдера, но и для всей последующей литературно-художественной традиции освещения осады Порт-Артура. Одним из первых В.Ф. Линдер со свойственным ему историзмом проводит параллель между обороной Порт-Артура и обороной Севастополя в Крымскую войну. Особо обращает на себя внимание истинно рыцарское отношение к врагам — японцам. Здесь нет пренебрежительного и профанирующего тона лубочной литературы. Японцы — это враги достойные, чье мужество не может не вызывать уважения. Присутствовавший при отражении ночной атаки Ю. Елец писал: «Я невольно подумал о смелости японцев, вызвавшихся вести брандер в проход под огнем наших судов и батарей, почти в упор их расстреливавших; о их редком хладнокровии, о чем свидетельствовали недопитые стаканы чаю, найденные нашими моряками при первом осмотре парохода»[10]. Многие японцы отказывались принять помощь русских моряков (и тем самым оказаться в плену) и прыгали со своих горящих судов в воду, предпочитая смерть спасению. На второй день после ночных событий в Порт-Артуре состоялось торжественное погребение с соблюдением всех воинских почестей тел двух японских офицеров и 24 матросов, умерших от ран в госпитале или выброшенных морем и подобранных на берегу.

В артурских стихах В.Ф. Линдера нашлось место и для отдельных героев обороны крепости. Одно из стихотворений посвящено В.В. Звереву, инженер-механику миноносца «Сильный».

Памяти инженер-механика Зверева

Вчера в бою с врагом, геройски, но нежданно
В могилу ты сошел в расцвете юных сил,
Твоя душа ушла в предел обетованный,
Как чистый фимиам от жертвенных кадил.
Мир праху твоему! С поникшей головою
Последнюю мы честь останкам отдадим,
За упокой души к Спасителю с мольбою
У гроба твоего колени преклоним.
Вдали от родины главу склонил ты долу.
Ты умер на посту, как верный часовой,
Ты отдал жизнь свою, как присягал, престолу!
Мы память вечную поем тебе, герой![11]

Василий Васильевич Зверев — уроженец г. Мурома, участник военной экспедиции в Китай и штурма фортов Дагу в 1900 году, кавалер ордена Св. Анны 3-й степени. В ночь на 14(27) марта «Сильный» находился на дежурстве у входа во внутренний рейд Порт-Артура. В 2 ч 15 мин японцы начали вторую операцию по блокированию русской эскадры в гавани с помощью брандеров, направив туда четыре коммерческих парохода в сопровождении шести миноносцев. Обнаружив врага, «Сильный» атаковал головной брандер, выпустив по нему мину (торпеду). Она попала в судно и оторвала ему носовую часть. Строй брандеров спутался, пароходы отвернули от фарватера, сели на мель и были уничтожены ураганным огнем береговых батарей, так и не достигнув цели. Однако сразу три японских миноносца сосредоточили огонь на «Сильном». Во время боя в российский миноносец попало несколько японских снарядов, один из которых повредил котел и главный паропровод, отчего корабль потерял ход. Раскаленный пар быстро заполнил машинное отделение, но трюмная вахта — шесть матросов во главе со старшим инженер-механиком Зверевым — не покинули своего боевого поста и сварились заживо. Окутанный клубами пара «Сильный» на малом ходу смог дойти до берега под Золотой горой и впоследствии, хотя и с трудом, был отремонтирован.

Согласно списку раненых, убитых и пленных генералов, штаб и обер-офицеров и классных чиновников гарнизона крепости Порт-Артур капитан Квантунской саперной роты В.Ф. Линдер скончался от ран 24 октября (6 ноября) 1904 года[12]. Тем не менее дата смерти поэта может быть уточнена. В своем дневнике М.И. Лилье, боевой товарищ В.Ф. Линдера, указывал, что капитан был смертельно ранен в живот 20 октября (2 ноября) на правом фланге обороны крепости[13]. В этот день здесь шли тяжелые бои на участке фортов № 2 и № 3. Дневниковая запись от 26 октября (8 ноября) гласит: «Сегодня умер от разрыва сердца раненый капитан Линдер. Капитан Линдер был в высшей степени образованный и воспитанный человек, много видавший и перенесший на своем веку. Он недурно писал стихи. <…> У покойного остался сынишка Боря, кадет Хабаровского корпуса, которого он страстно любил и для которого жил… Бедный сиротка!»[14]. Но и дата смерти не стала последней в биографии поэта. Высочайшим указом от 11(24) сентября 1905 года было утверждено пожалование капитану Квантунской саперной роты Вольдемару Линдеру ордена Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом за отличие в делах против японцев[15].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 17. Д. 8732. Л. 206.
[2] Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 2612. Л. 10 об.
[3] *Лилье М.И.* Дневник осады Порт-Артура. М: ЗАО Центрполиграф, 2002. С. 240.
[4] Русский вестник. 1904. № 4. С. 690.
[5] *Немирович-Данченко В.И.* 1905. Порт-Артур // Собр. соч.: В 3 т. М.: Терра, 1996. Т. 3. С. 476.
[6] *Лилье М.И.* Указ. соч. С. 357.
[7] Русский вестник. 1904. № 5. С. 273.
[8] Там же. № 8. С. 707.
[9] Там же. С. 707—708.
[10] Там же. № 5. С. 275.
[11] *Лилье М.И.* Указ. соч. С. 54—55.
[12] РГВИА. Ф. 400. Оп. 32. Д. 169.
[13] *Лилье М.И.* Указ. соч. С. 237.
[14] Там же. С. 240.
[15] Иллюстрированная летопись русско-японской войны. Вып. XX. СПб., 1905. С. 26.

Д.В. МАРЬИН